

лалась во всѣхъ слояхъ общества самыи обычныи явленіемъ. И я полагаю, что это нехорошо". (стр. 371).

Не спорять и противъ этого. Всѣ согласны, что развратничать не слѣдуетъ, что нужно оставаться вѣрными принятому на себя долгу. Но господа, державшися того мнѣнія, что развратъ вызывается бѣдностью и что уничтожить его можно тогда, когда уничтожится нищета, здѣсь выражаются въ томъ смыслѣ, что, наприм., въ крестьянствѣ, гдѣ супружеская невѣрность стала обычнымъ явленіемъ благодаря „солдатству“, нравственность можетъ быть возстановлена уничтоженiemъ „солдатства“. Это, говорятъ они, выходитъ по логикѣ гр. Толстого. Это, конечно, добавимъ мы, согласно со всякою логикой, только дѣло въ томъ, какъ понимать это слово „солдатство“. Стоитъ немного подумать, чтобы догадаться, что въ этомъ выводѣ мы пришли не къ необходимости уничтожить солдатчину, войско, военную службу, воинскую повинность и все такое, а къ необходимости уничтожить самый духъ солдатчины, тотъ особенный духъ, который вносится солдатами въ крестьянскую жизнь и который связывается съ понятіемъ о „солдатствѣ“. Не людей надо уничтожить, а безнравственность въ людяхъ.

Такимъ образомъ, первый и послѣдній аргументъ противъ второго пункта падаетъ самъ собою, потому что странны, ни съ чѣмъ не сообразны и не серьезны тѣ соображенія разума, которыми снабжаетъ насъ г. Протопоповъ. „Хорошо, допустимъ, что у крестьянъ супружеская невѣрность стала обычнымъ явленіемъ, „благодаря солдатству“. Что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что для уничтоженія невѣрности нужно уничтожить „солдатство“. Толстой, какъ известно, пробовалъ и это и опять-таки по своему обычному способу, а именно, убѣждая всѣхъ отказываться отъ военной службы. „Не воюй“, — это одна изъ его заповѣдей. Пожать плечами, да развести руками — вотъ все, что можно, или, по крайней мѣрѣ, все, что стоить сдѣлать предъ лицомъ такой удивительной соціологии". (стр. 142—43, VIII кн. „Русск. Мысли“ 91 г.).

Пунктъ третій. „Третье — то, что въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе опять того же ложнаго значенія, которое придано плотской любви, рожденіе дѣтей потеряло свой смыслъ, и вместо того, чтобы быть цѣлью и оправданіемъ супружескихъ отношеній, стало по-